

**О РОЛИ ГРОТЕСКА В СТАНОВЛЕНИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫМЫСЛА
(НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕИСЛАНДСКОЙ “САГИ О ГАУТРЕКЕ”)**

© 2017 г. Е. А. Гуревич

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН, Россия 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
alpgurev@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию 11 июля 2016 г.

**ON THE ROLE OF THE GROTESQUE
IN THE RISE OF FICTION
(WITH SPECIAL EMPHASIS ON OLD ICELANDIC “GAUTREKS SAGA”)**

© 2017 Elena A. Gurevich

Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the Department of Western European Literatures
and Comparative Studies at the A.M. Gorky Institute of World Literature, 25a Povarskaya Str., Moscow 121069, Russia
alpgurev@gmail.com

Received by Editor on July 11, 2016.

В статье поднимаются некоторые спорные проблемы изучения исландских саг. В ней предпринят сопоставительный анализ старшей (краткой) и младшей редакций первой части “Саги о Гаутреке” (XIV в.), так называемого рассказа о дураках из долины. “Сага о Гаутреке” принадлежит к жанру “саг о древних временах”, и обе ее редакции обычно (и справедливо) рассматривают как отражения разных стадий эволюции этого жанра. Однако в отличие от нередко высказываемого мнения о том, что создатель младшей версии рассказа добавлял в него многочисленные подробности ради того, чтобы рационально объяснить и оправдать странные поступки персонажей, в настоящей статье обосновывается иная точка зрения, а именно, что рассказ был переработан из стремления сделать его еще более гротескным и забавным.

The paper re-examines some controversial issues in saga scholarship. It provides a comparative analysis of the older (shorter) and the younger redactions of the “Valley-fools” section (“Dalafífla þátr”) of “Gautreks saga”, composed in Iceland presumably in the 14th century. “Gautreks saga” belongs to the genre of fornaldarsögur or “sagas of ancient times” and its two redactions (versions) are often (and rightly) regarded as reflecting different stages of the development of the genre. However, in contrast to the frequently expressed opinion that the younger compiler has greatly elaborated the plot in an effort to rationalize the bizarre behaviour of the Dalafífl, it is argued in the present article that the saga was reworked with the aim of making it more grotesque and amusing.

Ключевые слова: исследования саг, сопоставительный анализ, “Сага о Гаутреке”, “Рассказ о дураках из долины”, Исландия, саги о древних временах, жанр, гротеск, художественный вымысел.

Key words: saga scholarship, comparative analysis, “Gautreks saga”, “Dalafífla þátr”, Iceland, fornaldarsögur, genre, the grotesque, fiction.

Подобно тому как древнескандинавская поэзия позволяет проследить, как происходит переход “от певца к поэту”, иначе говоря, процесс зарождения индивидуального авторства, средневековая исландская проза дает возможность наблюдать, как происходит переход от архаического реализма, в котором вымысел еще не осознавался как таковой, к собственно литературе, в которой вымысел стал осознанным, или, если воспользоваться

формулировкой М.И. Стеблин-Каменского, эволюцию “от саги к роману”¹. В случае поэзии это развитие проходит через стадию гипертрофии формы [2]; [3, с. 17–220]; в случае прозы – через стадию отхода от реализма “саг об исландцах” и увлечения небывалым – удивительным и фантастическим.

¹ Название одной из глав его книги “Становление литературы” [см. 1, с. 199].

Уже в конце XIII в., но в особенности в XIV в. большую популярность приобретает жанр “саг о древних временах” (*fornaldarsögur*), описывающий события, которые имели место в отдаленные времена, задолго до переселения в Исландию². Обращение к легендарному прошлому, о котором заведомо не могло сохраниться достоверных свидетельств, создавало благоприятную почву для становления художественного вымысла. Именно к этой разновидности саг (их также называют “сказочными”, “фантастическими” и “лживыми”³) принадлежит “Сага о Гаутреке”, о которой пойдет речь ниже. Собственно, предметом рассмотрения станет только ее первая часть (эта сага состоит из вполне автономных частей), а именно рассказ о странном приключении отца героя и рождении Гаутрека. Этот рассказ сохранился в двух основных редакциях саги, приблизительно датируемых серединой и второй половиной XIV в. — краткой (более ранней, она известна в трех несколько отличных рукописных версиях — **L**, **K** и **E**)⁴ и пространной (более поздней — **A**)⁵. Как представляется, сопоставление этих двух редакций позволяет не только заглянуть в “лабораторию” автора младшей версии, но и понять механизмы развития жанра “саги о древних временах”.

Нижеследующий пересказ истории о рождении Гаутрека основан на старшей редакции саги [4, S. 50–60] и излагает ее во всех необходимых подробностях.

В Гаутланде правил конунг по имени Гаути, “он был умен и невозмутим, щедр и остер на язык”. Конунг часто отправлялся на охоту со своими собаками и соколами. Как-то раз, когда конунг охотился вместе с дружинниками, он ранил оленя, однако копьё застряло в ране. Конунг счел, что покроет себя позором, если не сумеет вернуть свое оружие, в одиночку бросился преследовать зверя и заблудился. Сказано, что он сбросил с себя всю одежду и остался в одном исподнем. Стало смеркаться. Тут он услышал собачий лай

и вышел к какому-то двору. Перед дверями стоял человек, и этот человек убил собаку. Конунг решил зайти внутрь, но тот преградил ему путь, так что конунгу пришлось силой убрать его с дороги. Конунг вошел в дом, он был добротный, а находившиеся в нем люди “пригожи с виду и не особенно велики ростом”. Они испугались конунга, и никто не заговорил с ним. Хозяин дома спросил у раба, как тот поступил, когда залаял пес. Раб отвечал, что убил его. Хозяин похвалил раба, пообещал дать ему свободу и сказал, что тот “отправится вместе с ним”. Конунг сел за стол рядом с хозяином и принялся за еду, но и после этого все продолжали хранить молчание. Затем все бывшие в доме, включая гостя, отправились спать.

Ночью к Гаути пришла женщина и спросила, не стоит ли ей “оказать ему гостеприимство”. Конунг обрадовался, что она решилась заговорить с ним, и поинтересовался, как ее зовут. Она отвечала, что имя ее *Snotra* (Разумница), отца ее зовут Гиллинг (Крикун)⁶, мать — *Töttra* (Лохмотница), сестер — *Hjötra* (Оборванка) и *Fjötra* (Голодранка), а братьев *Skafnartungur* (Крохобор, букв. “тот, кто обгладывает кору”), *Heimsigull* (Пачкун)⁷ и *Fjölmóðr* (Угрюмец). Она сообщила конунгу, что поблизости от их двора находятся Обрыв Крикуна (*Gillingshamar*) и Родовая Скала (*ættarnisstapi*)⁸, которая зовется так потому, что их родичи бросаются с нее всякий раз, когда случается нечто “необычное”, такое, чего на их памяти “никогда не приключалось”, и она ждет, что из-за того, что он явился к ним, ее отец с матерью теперь тоже лишат себя жизни, перейдя через Родовую Скалу, ведь прежде у них никогда не бывало гостей.

Конунг предлагает ей провести с ним ночь, и она соглашается. Утром, перед тем как отправиться в путь, конунг просит Крохобора дать ему пару башмаков, так как он пришел разутым. Тот, ни слова не говоря, вручает ему башмаки, однако предварительно выдергивает из них ремешки (в версиях **K**, **E** и **A** конунг реагирует на его действия стихами, в которых сообщает, что получил от Крохобора дурной дар: “Два башмака нам, / один да другой, / без ремней дал сквалыга. / Ужель будут в пору / дары Крохобора, / коль с подвохом

² Колонизация Исландии выходцами из Норвегии происходила между 870 и 930 г.

³ Последнее из перечисленных наименований приписывается норвежскому королю Сверриру (1184–1202), который считал такие истории самыми забавными.

⁴ Рукописи “Саги о Гаутреке” — это главным образом поздние бумажные списки с утраченных манускриптов: **L** = AM 194 c, fol. chart. (2-ая пол. XVII в.); **K** = AM 164 h, fol. chart. (сер. XVII в.); **E** = AM 567, XIV ү, 4^{то} membr. (нач. XV в.), от последнего пергаментного кодекса сохранился только один лист.

⁵ **A** = AM 590 b, c, 4^{то} chart. (XVII–XVIII вв.). Издание В. Раниша (см. [4]) — единственное, включающее в себя обе редакции саги.

⁶ Это же имя носит великан в “Младшей Эдде”, кроме того оно входит в поэтический перечень (так наз. тулу) имен великанов.

⁷ По-видимому, искаженная форма *Ímsigull* (предположительно к *ím* “пепел, зола, пыль” и **sigull* от *síga* “опускаться, сползть вниз”), которая употребляется в версиях **E** и **A**.

⁸ Фрагмент **E** содержит другой вариант этого названия: *ættarstapi*.

оба!»)⁹. Разумница выводит конунга на дорогу, но отказывается уйти с ним, поскольку не желает остаться без наследства, которое ее отец, перед тем как навсегда покинуть их, разделит между братьями и сестрами. Конунг ожидает, что их встреча не обойдется без последствий, и просит ее, в случае если родится мальчик, назвать его Гаутреком.

Когда Разумница возвращается домой, отец объявляет домочадцам, что случилось невиданное — к нему пришел посетитель, а потому он сегодня же бросится с Родовой Скалы вместе с женой и рабом, для которого это станет наилучшей наградой за то, что он убил пса. Но прежде он разделит между детьми все, чем владеет: Крохобору достанется его добрый вол, Угрюмцу — золотые слитки, а Пачкуну — все посева. При этом Крохобор пусть возьмет в жены Разумницу, Угрюмец — Голодранку, а Пачкун — Оборванку (в оригинале в каждой из этих трех пар женские и мужские имена аллитерируют между собой). А еще он наказал им остерегаться прибавления семейства: лишь так они смогут сохранить полученное наследство.

После этого дети перевели отца с матерью и раба через Родовую Скалу и зажили одни. Первым делом они завернулись в домотканое сукно, “чтобы те” (*þeir* — местоимение множественного числа мужского рода) “не смогли коснуться этих”

⁹ Перевод “Саги о Гаутреке” везде наш. Необходимо заметить, что это — единственный случай, когда эпизод нашей истории имеет очевидную параллель в более раннем тексте. Саксон Грамматик в кн. VI “Деяний датчан” (“*Gesta Danorum*”, нач. XIII в.) рассказывает об ирландском короле по имени *Hugletus*, который, несмотря на свои несметные богатства, “был так скуп, что, когда он отдавал кому-нибудь башмаки, изготовленные искусным мастером, то первым делом выдергивал из их проушин завязки, превращая свой подарок в оскорбление. Проявленная им мелочность делала его дар настолько ничемным, что у принимающего его он, несомненно, вызывал не столько благодарность, сколько неприязнь” [5, р. 171–172]. Далее об этом короле рассказывается, что он водил дружбу не с достойными людьми, а привечал скоморохов и фигляров. Предполагается, что ирландский король Хуглетус из рассказа Саксона может быть идентичен королю Гаутов (Геатов) Хигелаку (*Hugelac*), о котором повествуется в англосаксонской поэме “Беовульф”. Он же под именем Хуглейк упоминается в “Круге Земном” (“Сага об Инглингах”, гл. 22), однако здесь он выступает как конунг шведов: “Хуглейк конунг не был воинствен. Он любил мирно сидеть дома. Он был очень богат, но скуп. У него при дворе было много разных скоморохов, арфистов и скрипачей. Были при нем также колдуны и разные чародеи...” [6, с. 22]. По мнению Д. Кронена, оскорбительность описанного в обоих случаях “обесцененного” дара заключалась в том, что он намекал на невозможность вручения дарителем необходимого в таких случаях “отдарка” [7, р. 93].

(*þær* — местоимение множественного числа женского рода) [4, S. 55], и так спали. Проходит время, и Разумница догадывается, что тяжела. Тогда она вынимает булавку, скреплявшую лоскут, в который она была обернута, прикладывает руку Крохобора к своей щеке и притворяется спящей. Тот просыпается, видит, что струсилось, и спрашивает, не причинил ли он ей вреда. Она отвечает, что так и есть, и просит его скрыть от остальных, что она носит дитя. Рождается мальчик. Являются братья и сетуют, что теперь их “укладу конец”, и что случившееся — “серьезное нарушение закона”. Крохобор в стихах объясняет им, как было дело: “Сдуру коснулся я, / девы щеки, / когда двинул десницей. / Потребен пустяк, / чтобы сына прижить, / так был Гаутрек рожден”. Братья говорят, что его нельзя за это винить, поскольку все произошло помимо его воли. Тот, однако, отвечает, что хочет без промедления отправиться за Родовую Скалу, и так и делает. (Впрочем, эпизод завершается самоубийством мнимого виновника рождения героя лишь в **L**, тогда как во всех других вариантах как старшей, так и младшей редакции саги братья — или Разумница — уговаривают Крохобора подождать, не приключится ли еще чего-нибудь, тот соглашается и остается дома.)

Далее следуют сообщения о судьбе двух других братьев:

Как-то раз Угрюмец пас овец, и при нем были его золотые слитки. Он уснул, а когда пробудился, увидел, как две улитки ползут по его слиткам. Он принял оставленный ими след за вмятину и решил, что золота у него сильно поубавилось — его съели улитки. Тогда он объявил, что не станет дожидаться новых происшествий и что негоже являться “в Вальгаллу к Одину конунгу” совсем нищим, а потому лучше отправиться туда прежде, чем он лишится всего своего имущества. Он сообщил о случившемся Пачкуну (в **L**; в вариантах **K** и **E** — обоим братьям, причем описал произошедшее с ним в стихах) и перешел через Родовую Скалу (согласно версиям **K** и **E**, вместе с женой и предварительно отдав братьям золотые слитки).

Пачкун каждое утро обходил свои поля. Однажды он увидел, как воробей выклевал одно зерно из колоса. Он заявил, что ему был нанесен большой ущерб, и вместе с женой отправился за Родовую Скалу. (Согласно версии **K**, он сделал это один.)

Следующий эпизод трактуется в рукописях саги по-разному. Гаутреку было семь лет от роду, когда он увидел на дворе доброго вола, которым владел Крохобор, и убил его копьем. (Так в варианте **L**, где Крохобор бросился с Родовой Скалы

сразу же после рождения того, кого он считал своим сыном.) В двух других вариантах именно утрата вола заставляет Крохобора незамедлительно свести счеты с жизнью, а в одном из них (К) сказано, что это Разумница подговорила Гаутрека убить вола, чтобы ее брат отправился по стопам прочих родичей и им досталось его добро. После этого мать с сыном уходят к конунгу Гаути, и тот хорошо принимает их. А когда его отец умер, Гаутрек стал править Гаутландом, причем в заключении говорится, что он был чрезвычайно щедр “как к знатым, так и к простым людям”.

Такова старшая редакция рассказа о странном семействе, в одной из рукописей XVII в. названном “дураками из долины” (Dala-Fíflar)¹⁰, а в другой — “дураками с Родовой Скалы” (ætternisstapafíflar)¹¹. Со времен первого (и единственного) издания краткой редакции саги Вильгельмом Ранишем в 1900 г. ее исследователи единодушны в том, что в жанровом отношении рассказ о рождении Гаутрека более всего напоминает сказку [4, S. LXXV]¹². Все события здесь происходят во вневременном мире и в неопределенном пространстве (единственный “географический” ориентир — это упоминание Гаутланда, где правит Гаути). Налицо и другие характерные черты сказки: повествование предельно лаконично, и все, что замедляет движение сюжета (расцветивающие рассказ подробности, оценки, объяснения действий персонажей) в нем отсутствует. Хотя сказка имеет дело с необыкновенным, она описывает каждое событие как данность, не растолковывая ничего читателю и заставляя его дивиться происходящему. Добавим к этому использование традиционных для фольклора композиционных и речевых приемов: здесь это “триада” эпизодов, в которых три брата, думая, что лишлись имущества, лишают себя жизни, а также повторяющиеся формулы, в которые облекаются сообщения об их уходе за Родовую Скалу. Родство со сказкой проявляется и в отдельных мотивах: так, переход в мир удивительного в результате простешества на охоте — типичный сказочный ход (большинство исследователей (см., например, [9, p. 220]) предполагают здесь кельтское влияние). Сам Раниш считал, что открывающий сагу рассказ имеет сходство с распространенным в Исландии типом сказок о людях, объявленных вне

закона (útilegumannasögur) [4, S. LXXVI]. В ряде таких историй к бежавшим от мира и вынужденным скрываться вдаль от обжитых мест изгоям приходит чужак, который уводит их дочь. Памятуя о том, что речь все же идет не о сказке как таковой, но о части сказочной саги, можно заключить, что перед нами ранний образчик еще не вполне сформировавшегося жанра “саги о древних временах”.

В младшей редакции “Саги о Гаутреке” рассказ о приключении конунга Гаути последовательно трансформируется в форму, по всей видимости, более отвечающую вкусам своего времени (вторая половина XIV в.) и личным пристрастиям перелавшего его автора, а именно уже во вполне развившуюся “сагу о древних временах”. Еще Раниш упрекал этого “младшего редактора” за многословие и глухоту к традиционному саговому стилю [4, S. XXXV, LXXXII], под которым он, несомненно, подразумевал стиль классической исландской родовой саги. Автору пространной редакции “Саги о Гаутреке” и теперь еще нередко достается от исследователей за “порчу” ее первоначальной версии, то есть за те изменения, которые он внес в ее текст [8, s. 114 f.]; [10, s. 99].

Что же это за изменения? Во-первых, автор младшей редакции в первой же фразе объявляет читателю, что намерен позабавить его, и это изначально заявленное не вполне серьезное отношение рассказчика к сообщаемой им истории то и дело слышится в самом тоне ее изложения. Рассказ открывает пространное вступление, в котором предвосхищается грядущая встреча героя с необычным семейством:

“Мы начинаем здесь забавный рассказ (kátli-ga frásögn) об одном конунге по имени Гаути. Он был умен и невозмутим, щедр и остер на язык. Он правил в Западном Гаутланде, что лежит между Норвегией и Швецией... (далее следуют географические подробности, которые мы опускаем. — *Е.Г.*). В той местности большие и трудно проходимые лесные дебри, через которые не пробраться, пока не замерзнет земля. Уже упомянутый нами конунг часто отправлялся в эти леса со своими соколами и собаками, поскольку он был заядлым охотником и почитал это наилучшим развлечением.

В то время находившиеся там повсюду леса были тут и там заселены, потому что многие расчищали себе участки земли вдаль от людского жилья и некоторые из тех, кто покидал обитаемые места из-за совершенных ими проступков, возводили на них свои дворы. А кое-кто бежал от людей из-за своих **привычек** (ljóðæzka) или каких-нибудь

¹⁰ В рукописи AM 203 fol. саге предпослан заголовок: “Sögu þáttur af Giafa-Ref og Dala-Fíflum” — “Часть саги о Рэве Дарителе и дураках из долины”.

¹¹ Речь идет о ввводном сообщении в рукописи Holm. 17, 4¹⁰ chart., где, в частности, сказано, что в саге “сперва повествуется о Гаути конунге и дураках с Родовой Скалы” [4, S. 1].

¹² Из новейших работ см. в особенности: [8, s. 109, 119].

глупых поступков (*óvizku*), рассчитывая, что, если станет держаться подалеже от других, то избежит **насмешек и издевок**¹³. Так они и проводили весь свой век, не встречаясь ни с кем, кроме тех, кто жил бок о бок с ними. Поскольку же немало народу селилось далеко в стороне от проторенных дорог, никто не посещал их, разве что случалось иногда кому-нибудь заблудиться в лесах и набрести на такой двор, хотя этот человек и почел бы за лучшее никогда там не появляться” [4, S. 1–2].

Из этого общего рассуждения о разных категориях лесного населения нетрудно заключить, что люди, о которых пойдет речь в дальнейшем, изолировали себя от соплеменников из-за каких-то своих странностей и глупых поступков, вызывавших неприятие и насмешки окружающих, и что автор разделяет такое к ним отношение. Затем следует подробный рассказ об оленьей охоте, в результате которой герой потерял своих спутников и раздетый и разутый (объясняется, что он сбросил одежду, преследуя зверя) блуждал один в лесу, пока собачий лай не вывел его к чьему-то жилищу. За неимением места нам приходится отказаться от детального сопоставления текстов, отметим лишь, что в младшей редакции этот предварительный эпизод занимает в три раза больше места, чем в старшей. Существенно при этом, что с точки зрения содержания наш автор не вводит в историю ничего принципиально нового – ничего такого, чего не было бы в отрывочных сообщениях краткой версии саги. Рассказ разбухает, обрастая подробностями, и приобретает большую определенность и связность исключительно вследствие нарративизации исходного текста и раскрытия тех мотивов и смыслов, которые изначально присутствовали в нем в “свернутом” виде.

Между тем среди исследователей “Саги о Гаутреке” бытует мнение (на наш взгляд ошибочное), что главная цель большей части произведенных “младшим редактором” преобразований состояла в том, чтобы как-то рационально объяснить и оправдать странные поступки членов лесного семейства. Руководствуясь этим стремлением, он якобы заметно изменяет смысл рассказа, привнося в него новые мотивировки, отсутствовавшие в ранней редакции [11, p. 476]; [8, p. 115]. Чтобы разобраться в том, так это или нет, нам придется обратиться к эпизодам, на которые обычно ссылаются в этой связи.

Прежде всего речь пойдет о главе семейства: что приводит его к решению свести счеты

с жизнью? В краткой версии это объясняется предельно лаконично. Собрав детей, отец объявляет им: “Произошло неслыханное событие – ко мне явился посетитель, и я сегодня же перейду через Родовую Скалу” [4, S. 54]. Примерно то же в более ранней сцене говорит конунгу Гаути Разумница, сообщая, что у них никогда не бывало гостей, а потому его приход, должен побудить ее отца расстаться с жизнью. Таким образом, единственная прямо сообщаемая автором причина ухода хозяйина дома – вторжение в его мир чужака.

В пространной же версии на первый план выдвигается мотив скупости, который проходит красной нитью через все начальные эпизоды. Раб убивает собаку за то, что она своим лаем привела к ним непрошеного гостя, со словами: “Этот человек так велик ростом, что стоит ему только оказаться в доме, как он съест все хозяйские припасы” [4, S. 3]. Сказано, что, услышав это, конунг понимает: не стоит ждать, пока ему окажут гостеприимство, и решает проникнуть в дом, чтобы не остаться ночевать на дворе. Поборовшись с рабом, он заходит внутрь, а затем, видя, что его не собираются звать к столу, садится и без приглашения принимается за еду. Как следует из рассказа, поведение гостя настолько огорчает хозяина, что он “перестает есть и надвигает себе на глаза капюшон”, а после того как конунг насытился, велит убирать со стола, сетуя, что “еды больше не осталось” [4, S. 4]. В ночной беседе с конунгом Гаути Разумница не просто называет имена своих родителей (причем в этой версии происходит замена первоначального имени отца, *Gillingr* – Крикун, именем одного из братьев, *Skafnartungr*), но и объясняет, чем они их заслужили: “Моего отца зовут Крохобор. Это имя он получил потому, что он так трясется над своим добром, что видеть не может, как убывают его припасы или какое другое имущество. Мать мою зовут Лохмотница, и зовется она так потому, что не желает надевать на себя иную одежду, кроме той, что износилась и обратилась в лохмотья, и она считает, что поступает куда как бережливо” [4, S. 4–5]. И, наконец, перед уходом сам хозяин обращается к своим детям со словами: “С нами приключилось нечто неслыханное: в наш дом явился этот конунг, объел нас и лишил нас самого необходимого. Мы ввергнуты в нужду, и из-за этого я не вижу больше возможности сохранять всю нашу семью” [4, S. 7].

Как видим, негостеприимное поведение хозяйина дома и его решение расстаться с жизнью прямо объясняется здесь его скупостью и страхом перед разорением. Однако можно ли считать, что этот мотив отсутствовал в ранней версии саги и был привнесен в рассказ лишь впоследствии?

¹³ Здесь и далее выделено нами.

Полагаю, что нельзя. Все, о чем здесь говорится “открытым текстом”, в непрямой форме выражалось и прежде, и позднейший автор лишь проявляет и проговаривает смыслы, имплицитно присутствующие в ранней редакции. В самом деле, о чем, как не о крайней скарденности хозяина и его семейства свидетельствуют противоречащие всем законам гостеприимства встреча и проводы конунга Гаути (напомню, что на прощание вместо положенных гостю ценных подарков он получил от Крохобора оскорбительный “дар” — башмаки без ремней¹⁴). На то же указывают и характерные имена, которые носят женщины: Лохмотница, Голодранка и Оборванка — поскольку рассказчик в самом начале отмечает, что семейство живет в достатке, читатель понимает, что они свидетельствуют не о бедности. И наконец, главное — покидая дом, отец наставляет своих детей во что бы то ни стало сберечь полученное от него наследство, причем сделать это они должны ценой прекращения их рода¹⁵.

¹⁴ Поскольку имя Skafnartungr (Крохобор) упомянуто в процитированной выше строфе конунга Гаути, в которой он сетовал на полученный им недостойный дар, в отличие от ранней редакции, в более поздней версии рассказа эти стихи оказываются обращенными к хозяину усадьбы, а не к одному из его сыновей. Тема гостеприимства и обмена прощальными дарами — едва ли не наиболее часто встречающаяся в древнеисландской литературе, без нее не обходится ни одна из саг. В эддической песни “Речи Высокого”, своего рода собрания афоризмов житейской мудрости, в ряде строф содержатся поучения о том, как надлежит обращаться с гостем (пер. А. И. Корсуна): “Гостю вода / нужна и ручник, / приглашенье учтливое, / надо приветливо / речь повести / и выслушать гостя” (строфа 4); “Не знаю радушных / и щедрых, что стали б / дары отвергать; / ни таких, что, в ответ / на подарок врученный, / подарка б не приняли” (строфа 39); “Оружье друзьям / и одежду дари — / то тешит их взоры; / друзей одаряя, / ты дружбу крепишь, / коль судьба благосклонна” (строфа 41) и т.д. (см. [12, с. 16, 19]).

¹⁵ В отличие от старшей редакции саги, в младшей версии хозяин перед своим уходом лишь разделяет между детьми наследство, однако ничего не говорит о заключаемых при этом “браках” (ср.: “Пусть Крикуну и сестре его Разумнице достанется мой славный вол. Угрюмец же и сестра его Оборванка пусть получат мои золотые слитки, а Пачкун и сестра его Голодранка владеют всеми полями и посевами. И я наказываю вам, дети мои, остерегаться прибавления в вашей семье, поскольку в противном случае вы не сможете сохранить то наследство, которое вы от меня получили” [4, S. 7]). На этом основании М. Калинке [8, S. 113–114] делает вывод о том, что автор пространной версии стремился изъять из рассказа всякое упоминание об инцесте. Между тем, в последующих сообщениях об уходе братьев на Родовую Скалу всякий раз говорится, что их сопровождают их “жены” (fór hann ok hans kona... fyrir ætternisstapa [4, S. 10]). Таким образом, выпадение из заключительной речи отца матримониальной темы на деле не имеет содержательной нагрузки и, по-видимому, было вызвано желанием дополнительно акцентировать имущественную тему.

Но если автор пространной версии не внес в рассказ ничего принципиально нового, то какую же цель он преследовал, последовательно развивая изначально заложенный в нем мотив скупости? На наш взгляд, ответ очевиден: добавляя в текст приведенные детали и объяснения, он стремился не только придать рассказу большую повествовательность, но и усугубить абсурдность поступков своих персонажей, то есть сделать сагу еще более “забавной”. Нетрудно заметить, что трагизм, с которым хозяин оценивает невосполнимый урон, нанесенный единственной трапезой, которую отведал в его доме непрошенный гость¹⁶, находит явную параллель в последующем инциденте с одним из братьев — тот счел себя разоренным, обнаружив, что воробей выклевал одно зерно из колоса на его поле. Причем и в этом эпизоде заметно желание автора младшей редакции усилить гротескность ситуации: “Однажды Пачкун обходил свои поля. Тут он заметил птицу, которая зовется воробьем, **ростом она с синицу**. Заподозрил он тогда, что ему мог быть нанесен ущерб. И вот он **прошелся по всем полям** и увидел, что птица выклевала одно зернышко из колоса”. Как видим, здесь он уже не застаёт воробья на месте преступления, но находит пропажу, педантично проверив каждый колос на своих полях.

Аналогичным образом автор младшей редакции саги “проявляет” смыслы, заложенные в мотиве Родовой Скалы. В старшей редакции Разумница сообщает конунгу лишь то, что, когда случается нечто из ряда вон выходящее, члены ее семьи заканчивают свою жизнь, бросаясь с этой скалы. В позднейшей версии в дополнение к этому она довольно пространно объясняет мотивы тех, кто по своей воле уходит из жизни: “Она потому и зовется Родовой Скалой, что всякий раз, когда с нами приключается что-нибудь необычное, мы сокращаем с ее помощью свой род. Там находят свою смерть все наши старики — не испытав никаких болезней, они отправляются напрямиком

¹⁶ К тому же, как следует из процитированной выше речи отца семейства (“...в наш дом явился этот конунг...”), в младшей версии ему известен высокий статус посетителя, что явно говорит о намерении рассказчика придать ситуации еще более гротескные черты. Оказание гостеприимства и акт дарения (напомним вновь о полученном Гаути оскорбительном даре) приобретал особую важность в случае вертикальных социальных связей: поднесение подарков более благородному и могущественному человеку — способ заручиться его дружбой и поддержкой, и исландская литература изобилует примерами того, как простолюдины стремились делать подарки высшим по званию, и в том числе конунгам. Самая знаменитая из таких историй — “Прядь об Аудуне с Западных Фьордов” (см. [13, с. 493–500]); см. также об этом [14].

к Одину, и никто из них не обременяет нас своей немощью, потому что это благословенное место (sælldarstaðr) одинаково доступно для всех членов нашего рода, и нам никогда не приходится терпеть ни нужды, ни голода, ни сносить какие-либо другие невзгоды и неурядицы, даже если они и выпадают на нашу долю” [4, S. 5].

То обстоятельство, что в процитированном объяснении “функции” Родовой Скалы в первую очередь говорится о самоубийстве старших родичей, считавших, что, шагнув за нее, они попадут прямиком в Вальгаллу, чертог верховного германского божества, избежав таким образом связанных с преклонным возрастом немощей, не могло не привлечь внимания исследователей древнескандинавских верований. Тем более что, как явствует из последующего замечания автора саги, в этот ритуал были вовлечены и младшие члены семейства лесных жителей (ср. сообщение об уходе хозяина и хозяйки дома: “...дети помогли своему отцу и матери перебраться через Родовую Скалу, и те довольные и радостные отправились к Одину” [4, S. 7]). Естественно возникает вопрос: не стоит ли за этим описанием воспоминание о возможно и вправду некогда существовавшей в Скандинавии языческой практике жертвоприношения стариков, аналогичной той, которая встречается в самых разных частях света? Еще издатель “Саги о Гаутреке”, В. Раниш [4, S. LXXVIII], ссылаясь на Я. Гримма, приводил свидетельства древних авторов, описывающих обычаи ритуального умерщвления предков у некоторых народов, в том числе рассказ Геродота о племени массагетов¹⁷ или сообщение о скифах римского географа I в. Помпония Мелы в трактате “De situ orbis” (“О положении Земли”, кн. 3 [16, гл. 5, пар. 54–55]), где говорится не только о жертвоприношениях достигших преклонных лет близких родственников, но и о добровольном уходе из жизни стариков (ср.: “Когда приходит старость или болезнь, люди эти уединяются и спокойно ждут смерти в своем уединении. Более разумные и более опытные не ждут смерти, а сами, предупреждая ее, бросаются в огонь и погибают с радостью и со славой”. — Пер. С. К. Апта). Наиболее близкую параллель мотиву Родовой Скалы представляет, однако, рассказ Гая Юлия Солина (“Собрание достопамятных сведений”, III в.) о гипербореях, блаженном

северном народе, легенды о котором пересказывают и другие античные авторы: “Свою смерть гипербореи накликают сами, а ее промедление преодолевают добровольным уходом из жизни. Тот, кто пресытился жизнью, должен, по их мнению, после роскошного пиршества с обильным возлиянием стремглав броситься в море с определенной обычаем скалы. Такой вид погребения гипербореи почитают наиболее славным” (пер. И.И. Маханькова [17, ч. II, пар. 4]). При этом Раниш справедливо замечал, что автор “Саги о Гаутреке”, по всей видимости, не мог быть знаком ни с этими, ни с иными подобными античными свидетельствами, которые поэтому должны привлекаться лишь в качестве параллелей к описанному в ней обычаю.

Между тем попытки подкрепить рассказ этой саги данными других древнескандинавских источников не увенчались успехом. Сам Раниш [4, S. LXXVIII] усматривал намек на возможно распространенную в языческие времена практику умерщвления стариков в сообщении включенной в “Книгу с Плоского Острова” (последняя четверть XIV в.) “Пряди о Свади и Арноре Старухин Нос” о принятом в неурожайный год на народной сходке (однако позднее признанном “бесчеловечным” и потому неосуществленном) решении “из-за недорода и великого голода избавляться от бедняков и стариков и не оказывать им помощи” [18, с. 139–143], тем самым обрекая их на верную смерть. О сделанном при аналогичных обстоятельствах и также отвергнутом предложении убивать стариков говорится в гл. 7 “Саги о людях из Долины Дымов” [19, bls. 1742] (действие этой, как полагают, созданной в нач. XIII в. саги также относится к языческим временам). Заметим, однако, что ни в одном из этих текстов речь не идет о сбрасывании подлежащих уничтожению соплеменников со скал. Последний мотив упоминается, правда, в “Саге о крещении” (гл. 12), где сказано, что “язычники приносили в жертву худших из людей и сбрасывали их со скал и обрывов” [20, S. 42]. Судя по всему, имеется в виду жертвоприношение преступников: сообщения о “приговоренных к жертвоприношению” (dæmdir til blóts) встречаются как в сагах, так и в “Книге о заселении страны”, однако ни одна из таких “казней” не может быть связана с убийством (или тем более самоубийством) предков. Единственным и, по мнению некоторых ученых [21, p. 254]; [22, S. 189], весомым аргументом в пользу возможности существования описанного в нашей истории, но иначе незасвидетельствованного в древнескандинавской традиции обычая оказался обнаруженный в 30-е годы XX в. в Швеции фольклор об

¹⁷ “[Никакого] предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто у них доживет до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть — для них величайшее блаженство” [15, с. 79, абз. 216].

ättestupor (“родовых скалах”), с которых, якобы, сбрасывали стариков, как выяснилось, особенно распространенный в Вестергётланде — Западном Гаутланде, месте действия “Саги о Гаутреке”. Позднее было установлено, что местные предания такого рода, очевидно, недостоверны, поскольку они не подтверждаются археологическими данными [23, S. 229]¹⁸. Что же касается самого наименования ättestupa (ед. ч.), то это слово представляет собой не вполне точную кальку с уже знакомого нам древнеисландского обозначения Родовой Скалы ætternisstapi (или ættarstapi), из чего следует, что источником его является все тот же рассказ о приключении конунга Гаути. Впервые это слово было введено в обиход в 1664 г. переводчиком “Саги о Гаутреке” на шведский язык Олаусом Верелиусом (Olaus Verelius), в духе своего времени рассматривавшим эту сагу в качестве важнейшего исторического свидетельства о шведской (“ётской”) старине. Именно из перевода этой саги оно — разумеется, вместе с описанием соответствующего обычая — переключалось в многочисленные ученые труды XVII–XVIII столетий, а в XIX в. — в весьма авторитетную “Историю шведского народа” (“Svenska folkets historia”, 1832) Эрика Густава Гейера, откуда затем попало и в школьные учебники. Конечным результатом этого процесса стала фольклоризация “Саги о Гаутреке” [23, s. 223], что впоследствии и было констатировано этнографами.

Поскольку поставленный выше вопрос так и не получил положительного ответа, высказывалось мнение, что трактовка низвержения с Родовой Скалы как перехода в Вальгаллу к Одину должна была принадлежать автору младшей редакции саги [8, p. 109]; [11, p. 475–476]; [7, p. 98–100]. Однако и это не так. Напомним, что в краткой версии Угрюмец, владелец золотых слитков, перед тем, как броситься с Родовой Скалы из-за инцидента с улитками, якобы съевшими его золото, объявляет, что негоже являться “в Вальгаллу к Одину конунгу” совсем нищим, а потому он не станет ждать полного разорения и незамедлительно сведет счеты с жизнью [4, S. 58]. Странно было бы предполагать, как это делает Д. Кронен [7, p. 98], что это заявление отражает лишь личные представления одного из братьев о загробном мире. Кроме того, как понимать неоднократно появляющиеся в старшей редакции загадочные сообщения о наилучшей награде, которую получит верный раб, отправившись на Родовую Скалу вместе

с хозяином? В младшей редакции и это объяснено. Разумница говорит конунгу: “...завтра мой отец и мать намереваются разделить между ними, братьями и сестрами, наследство, а после этого собираются, прихватив с собой раба, перейти через Родовую Скалу и отправиться в Вальгаллу. Отец мой желает не скупясь вознаградить раба за его попытку прогнать тебя от наших дверей, предоставив ему возможность вместе с ним насладиться этим счастьем. Он уверен, что Один ни за что не принял бы к себе раба, не явись тот вместе с ним” [4, S. 6]. Таким образом, и в данном случае автор пространной саги не придумывает ничего принципиально нового, но лишь договаривает и акцентирует то, о чем в кратком рассказе упоминалось лишь вскользь. Очевидно, что и здесь выдвигание на передний план темы ухода в Вальгаллу и встречи с Одним было призвано усилить гротескность ситуации: ведь наивная вера членов лесного семейства в то, что, бросаясь с Родовой Скалы, они попадают в загробный мир для “избранных”, ни на чем не основана и свидетельствует лишь об их крайней глупости. Хотя рассказ и был создан гораздо позднее, каждому было известно, что, как верили в языческие времена, Вальгалла — это чертог, в котором Один собирает павших в бою воинов (эйнхериев), тогда как все прочие отправляются в куда менее привлекательное место — в царство мертвых Хель. Поэтому сообщение, что “дети помогли своему отцу и матери перебраться через Родовую Скалу, и те довольные и радостные отправились к Одину”, должно было вызывать у читателя усмешку: он-то знал, что никто их в Вальгалле не ждал¹⁹. Кроме того, христианской аудитории рассказа не могло не быть известно об отношении церкви к самоубийцам и уготованной им адской муке [10, p. 103]; [23, s. 225], что в ее глазах должно было еще больше подчеркивать абсурдность ожиданий, связываемых с “благословенным местом”, каким виделась Крохобору и его домочадцам их Родовая Скала.

Итак, главные дополнения и изменения, которые мы находим в пространной версии истории о “дураках из долины”, не просто восполняют лакуны в повествовании, вызванные определенной недосказанностью ранней версии, но в первую очередь свидетельствуют о стремлении “младшего” редактора сделать рассказ еще более забавным, то есть изобразить поступки и представления его персонажей более гротескными и нелепыми. Ради достижения этой цели он

¹⁸ То есть описанная в них практика не была подкреплена обнаружением скелетов с признаками характерных увечий, неизбежных при падении тел с большой высоты.

¹⁹ Об отношении древнескандинавских представлений о Вальгалле к описанному в саге обычаю см. подробнее в работе К. Уэнера [24, p. 397–405].

и домысливает то, что было лишь намечено его предшественником.

В заключение необходимо сказать несколько слов о месте этого рассказа в общем контексте саги, у которой имеется и еще одна часть, в сюжетном отношении никак не связанная с первой (в младшей редакции таких частей две). О смысле истории о дураках из долины и цели, ради которой она могла быть введена в сагу, написано немало. При этом прежде всего указывают на противопоставление двух образов жизни: замкнутого сообщества — лесного семейства скаредов, принципиально не вступающих в контакты с внешним миром, что и приводит их к гибели, и общества, основанного на обмене, к которому принадлежит покинувший отчий дом и отправившийся странствовать по свету герой второй части саги, Рэв Даритель (см., например, [8]). В противоположность персонажам первой части этот первоначально малообещающий герой-запечник, бывший пошмешником в юные годы, в процессе постоянного обмена-дарения добивается небывалого успеха²⁰. Гаутрек и в этой части саги вовсе не главный персонаж: он появляется лишь в двух ее эпизодах — в одной из начальных сцен и в самом конце истории. Однако эти эпизоды ключевые. Гаутрек — первый в ряду правителей, с которыми Рэв обменивается дарами: от этого конунга за время вложенный в его руку точильный камень главный герой получает золотое кольцо, которое становится основой для его дальнейшего обогащения и конечного возвышения. В заключительном эпизоде саги Рэв в обмен на поднесенные некому конунгу дары выговаривает себе необычную награду: на время передать под его начало корабль и войско этого правителя. Во главе этой заемной рати он направляется во владения Гаутрека, и тот, дабы избежать нападения на свое королевство, принимает решение отдать за Рэва свою дочь и производит его в ярлы. И хотя Гаутрек вскоре догадывается, что его провели, он остается верен своему слову. Так герой добивается сказочного успеха — получает в жены принцессу и власть.

Сразу же вслед за последней сценой в обеих версиях саги приводится заключительная характеристика Гаутрека, из которой мы узнаем, что этот правитель “очень прославился благодаря своей щедрости и отваге, **однако не сказано, чтобы он отличался большим умом...**” [4, С. 49]. Как представляется, это авторское замечание прямо отсылает читателя к начальной истории о странном семействе и дает ему ключ к пониманию ее

места в общей композиции саги. Одно из назначений рассказа о дураках из долины состоит в объяснении недалекости Гаутрека, унаследовавшего щедрость и прочие королевские доблести от своих знатных родичей с отцовской стороны и глупость от своих лесных родичей с материнской стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги. Становление литературы. Л.: Наука, 1984. 248 с. [Steblyn-Kamensky, M. I. *Mir sagi. Stanovlenie literatury* [Saga Mind. Rise of Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 248 p.]
2. *Стеблин-Каменский М. И.* Место поэзии скальдов в истории мировой литературы // *Стеблин-Каменский М. И.* Историческая поэтика. Л.: Наука, 1978. С. 90–102. [Steblyn-Kamensky, M. I. [The Place of Skaldic Poetry in the History of World Literature]. Steblin-Kamensky, M. I. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Leningrad, 1978. P. 90–102.]
3. *Гуревич Е. А., Матюшина И. Г.* Поэзия скальдов. М.: РГГУ, 2000. 752 с. [Gurevich, E. A., Matyushina, I. G. *Poeziya skaldov* [Skaldic Poetry]. Moscow, RSUH Publ., 2000.]
4. *Die Gautrekssaga in zwei Fassungen.* Herausg. von Wilhelm Ranisch. (Palaestra 11). Berlin: Mayer und Müller, 1900.
5. Saxo Grammaticus. *The History of the Danes.* Trans. Peter Fisher, ed. Hilda Ellis Davidson. Cambridge: Boydell & Brewer, 1979.
6. *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М.: Наука, 1980. 691 с. [Snorri Sturluson. *Krug zemnoi* [Heimskringla]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 691 p.]
7. *Cronan, Dennis.* The Thematic Unity of the Younger “Gautreks saga”. *Journal of English and Germanic Philology.* 2007. Vol. 106. P. 81–123.
8. *Kalinke, Marianne.* Endogamy as the Crux of the “Dálafífla þáttr”. *Fornaldarsagaerne. Myter og virkelighed. Studier i de oldislandske fornaldarsögur Nordurlanda.* Red. Agneta Ney, Ármann Jakobsson og Annette Lassen. København: Museum Tusulanums Forlag, Københavns Universitet, 2009. S. 107–121.
9. *Milroy, James.* The Story of *Ætternisstapi* in *Gautreks saga.* *Saga-Book of the Viking Society.* 1967–1968. Vol. XVII/2–3. P. 206–223.
10. *Chesnutt, Michael.* The Content and Meaning of *Gjafa-Refs saga.* *Fornaldarsagaerne. Myter og virkelighed. Studier i de oldislandske fornaldarsögur Nordurlanda.* Red. Agneta Ney, Ármann Jakobsson og Annette Lassen. København: Museum Tusulanums Forlag, Københavns Universitet, 2009. S. 93–106.
11. *Kalinke, Marianne.* The Genesis of Fiction in the North. *The Fantastic in Old Norse Icelandic Literature. Sagas and The British Isles.* Preprint Papers of The 13th International Saga Conference, Durham and York

²⁰ См. более подробное изложение истории Рэва Дарителя в работах: [14]; [25, с. 221–230].

- 6th–12th August 2006. Ed. John McKinnell, David Ashurst and Donata Kick. Durham University, 2006. Vol. 1. P. 463–478.
12. Старшая Эдда / Под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963. [*Starshaya Edda* [The Elder Edda]. Pod red. M. I. Steblin-Kamenskogo [Ed. M. I. Steblin-Kamensky]. Moscow, Leningrad, 1963.]
13. Исландские саги: В 2 т. / Под ред. О. А. Смирницкой. СПб.: Нева, Летний сад, 1999. Т. 2. [*Islandskie sagi: V 2 t.* [Icelandic Sagas: In 2 Vols.]. Pod red. O. A. Smirnitskoy [Ed. O. A. Smirnitskaya]. Saint-Petersburg, 1999. Vol. 2.]
14. Гуревич Е. А. Исландия: щедрость и обмен дарами // Одиссей. Человек в истории – 1997. М.: Наука, 1998. С. 299–306. [Gurevich, E. A. [Iceland: Generosity and Gift Exchange]. *Odissei – Chelovek v istorii – 1997* [Odysseus. Man in History – 1997]. Moscow, Nauka Publ., 1998. P. 299–306.]
15. Геродот. История / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с. [Herodotus, *Istoria* [The Histories]. Per. i primech. G. A. Stratanovskogo [Trans. and Notes by G. A. Stratanovskiy]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 600 p.]
16. Помпоний Мела. О положении Земли // электронный ресурс: http://annales.info/ant_lit/mela/03.htm#031. [Pomponius Mela, *O polozhenii Zemli* [De situ orbis]. Internet resource: http://annales.info/ant_lit/mela/03.htm#031.]
17. Гай Юлий Солин. Собрание достопамятных сведений // электронный ресурс: http://ancientrome.ru/antlitr/solin/crm_f.htm. [Gaius Julius Solinus, *Sobranie dostopamyatnykh svedeniy* [Collectanea rerum memorabilium ('Collection of Curiosities')]. Internet resource: http://ancientrome.ru/antlitr/solin/crm_f.htm.]
18. Исландские пряди / Изд. подг. Е. А. Гуревич. М.: Наука, 2016. (Литературные памятники). [*Islandskie priadi* [Icelandic Tales (*þættir*)]. Izd. podg. E. A. Gurevich [Trans. and Ed. by E. A. Gurevich]. Moscow, Nauka Publ. 2016 (*Literaturnye pamyatniki* [Literary Monuments]).]
19. Reykdælasaga og Víga-Skútu. Íslendinga sögur og þættir. I–III. Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík: Svart á hvítu, 1987. III. bindi.
20. Hauksbók udgiven efter de Arnamagnæanske håndskrifter no. 371, 544 og 675, 4° samt forskellige papirhåndskrifter. Udg. Finnur Jónsson. København: Det kongelige nordiske oldskrift-selskab, 1892–1896.
21. *Turville-Petre E.O.G.* Myth and Religion of the North. London: Weidenfeld and Nicolson, 1964.
22. *Vries J. de.* Altgermanische Religionsgeschichte (3. Auf.). Berlin: Walter de Greyter & Co, 1970. Bd. I.
23. *Odén, Birgitta.* Ättestupan – myt eller verklighet? Scandia. 1996. Bd. 62. S. 221–234.
24. *Wanner, Kevin J.* Adjusting Judgments of “Gauta Þátrr’s” Forest Family. Scandinavian Studies. 2008. Vol. 80. No. 4. P. 375–406.
25. Гуревич Е. А. Древнескандинавская новелла: поэтика “прядей об исландцах”. М.: Наука, 2004. 424 с. [Gurevich, E. A. *Drevneskandinavskaya novella: poetika “priadei ob islandcakh”* [Old Norse Novella: A Study of Genre in the Tales of Icelanders]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 424 p.]